

ДЕРЗАНИЕ РИСКА: ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИЙ

С.А. ШАВЕЛЬ

Человеческая деятельность структурируется по многим критериям — как содержательным, так и формальным; для нашей темы мы используем только один критерий — новизны, и, соответственно, выделим только два типа деятельности: инновационную и репродуктивную. Тип репродуктивной, как ясно из этимологии термина, буквально обозначающий воспроизводство уже сделанного по установленной норме, стандарту, шаблону, рецепту или «по памяти», как говорят психологи, в новизне не нуждается, более того, такого рода деятельность в подавляющем большинстве случаев принципиально ограничивается или запрещается.

Что касается инновационной деятельности, то она, как правило, направлена на изменение технологии, логики, методов, рецептуры и пр., и уже поэтому связана с определенным уровнем риска. Под риском обычно понимается такая констелляция обстоятельств, которая способна вызывать неблагоприятные, непредусмотренные и незапланированные результаты (исходы) в самом процессе деятельности. Немецкий социолог Ульрих Бек ввел концепт, названный им «общество риска». В нем риск в социологическом смысле слова понимается как взаимодействие общества «с угрозами и опасностями, инициируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым. В отличие от опасностей прошлых эпох, риски суть последствия, связанные с угрожающей мощью модернизации и порождаемой ею глобальной нестабильностью и неопределенностью. В обществе риска неизведанные и неожиданные последствия приобретают характер господствующей силы»¹. К ключевым характеристикам общества риска автор относит следующие. Во-первых, то, что риск всеобщ и неустраним (по принципу: загрязнили — убрали, почистили), и действует с эффектом бумеранга, т.е. рано или поздно достигая тех, кто его производит или на нем наживается. Во-вторых, риски ведут к нарастанию процессов «экологического обесценивания и экспроприации». Имеется в виду не только локальное ухудшение экологической ситуации (загрязнение, заплытие, эрозия и т.п.), но и тенденция к распространению на окружающую территорию. В-третьих, современные опасности довольно часто не воспринимаются человеческими органами чувств. Отсюда возрастающее значение приобретают знание и науки о рисках. В-четвертых, высшего арбитра о социальной приемлемости рисков «попросту не может существовать». В-пятых, люди перестают думать об опасности тогда, когда «исключительные условия» превращаются в норму повседневного бытия. Это ведет к экологическому фатализму, позволяющему маятнику настроений качаться от «истерии к отрешенности».

Желание во избежание риска остановить научно-технический прогресс или хотя бы затормозить, поставить его под контроль, наталкивается на растущие потребности человека, многие из которых являются ненасыщаемыми, особенно духовные; к тому же в самой природе человека заложено стремление к рискогенной деятельности, к преодолению риска. Отсутствие такого анализа серьезно ослабляет инвайронментальную парадигму, особенно в части таких ее установок, как: а) сострадание к другим живым существам (а питание?); б) «нет атомной энергетике» (а энергобезопасность?); в) предпочтение защиты среды, а не экономического роста (а конкуренция?) и др.²

В этой связи есть необходимость обратиться к персоналистскому пониманию феномена риска. В психологии модель выбора риска была впервые сформулирована Д.В. Аткинсом в статье «Мотивационные детерминанты рискованного поведения», позже ее стали называть, как отмечает Х. Хекхаузен, «базовой теорией мотивации достижения»³. Аткинсон выделил мотив успеха, т. е. достижения результата, и мотив избегания неуспеха, т. е. уклонение от действий, грозящих неудачным исходом, каждый из которых задает пропорционально соответствующую ценность: либо успеха, либо избегания неуспеха. Ценность успеха/неуспеха описывается с помощью понятия побудительности, которая определяется только воспринимаемой сложностью задания. Субъективные вероятности успеха или неуспеха взаимодополнимы и равны в сумме единице. Ощущение успеха тем больше, чем меньше были шансы на него, а неуспеха — чем легче казалось задание. Надежда на успех активизирует деятельность, а опасение неудачи тормозит ее (тенденция к уклонению). Разность между тенденциями успеха и неуспеха задает выбор степени трудности задачи, а также энергичность последующей работы над ней. И то, и другое связано с внутренним риском: переоценка своих возможностей ведет к выбору непосильной задачи, а излишние опасения неудачи консервируют личностный потенциал.

Между тем феномен избегания неуспеха, а, следовательно, минимизации риска из-за реальной или преувеличенной боязни потерпеть неудачу (провалить дело, не справиться с заданием, не достичь поставленной цели) достаточно распространен. В научной сфере есть высокопрофессиональные ученые, которые, тем не менее, отказываются выходить на публичную защиту диссертации, особенно докторской. При высокой мотивации должностного продвижения, более 15% опрошенных стремятся избегать карьерного роста, связанного с руководством людьми. Такие примеры есть во всех областях и видах деятельности, что указывает, прежде всего, на их экзистенциальные источники — боязнь неудачи, риска несоответствия — и лишь затем — на условия и содержание деятельности.

С точки зрения риска в инновациях отметим проведенную социологами и психологами проверку выдвинутой М. Вебером идеи о связи

протестантской этики с «духом капитализма». Не повторяя проведенный нами анализ⁴, отметим следующее. Протестантизм, особенно его кальвинистская ветвь, создал новую сотериологическую (спасительную) систему, в которой ставка делалась на позитивную мотивацию достижения (вера в успех), поведенческий ригоризм, аскезу, профессиональное призвание, терпение, ответственность и subsidiarность («помощь для самопомощи»). «Практически, — говорит Вебер, — это означает, что Бог помогает тому, кто сам себе помогает, что кальвинист, таким образом, сам “создает” свое спасение, правильнее следовало бы сказать — уверенность в спасении»⁵. Вывод Вебера о связи протестантской этики с духом капитализма подвергся эмпирической проверке на основе современных методик во второй половине XX в. Мак-Клеелланд — инициатор первого исследования — предложил следующую интерпретацию веберовского вывода: «В ценностной атмосфере протестантской этики воспитание детей направлено, прежде всего, на формирование у них самостоятельности и личной ответственности, что благоприятствует развитию мотива достижения. Он, в свою очередь, побуждает к интенсивной предпринимательской деятельности, которая через **реинвестирование прибылей и использование технических инноваций** способствует ускоренному развитию экономики»⁶. Но если это так, то протестантские страны должны иметь преимущество перед католическими. Для проверки этой гипотезы вводились две новые переменные: индекс экономической мощи и индекс национального мотива достижения. Первый индекс измерялся по уровню потребления электроэнергии на душу населения с учетом различий в природных ресурсах. Второй определялся с помощью методики ТАТ (тематический апперцептивный тест), примененной к анализу рассказов из книг для школьников третьего класса. Предполагалось, что именно в этих рассказах наиболее четко выражается национальный дух каждой страны. Исследование показало, что «действительно высокий национальный мотив достижения проявляется в ускорении экономического развития, а низкий — в его замедлении... Сопоставление экономической мощи протестантских и католических стран выявило преимущество первых»⁷. Этот результат подтвердил в 1984 г. Д. Фрей, используя методику перекрестно-отсроченного панельного анализа (crossed-lag panel), однако эффект оказался меньшим, чем в предыдущих исследованиях. В странах, где представлены обе конфессии (США, Швейцария), «не удалось обнаружить различий между протестантами и католиками»⁸, хотя были выявлены значимые различия между представителями разных социальных групп. В то же время американские социологи констатируют: «Протестантская этика, делающая упор на бережливость, честность, напряженную работу, жертвенность и взаимопомощь членов community (сообщества), становится все менее и менее распространенной в стране, которая с каждым годом превращается во все менее и менее

протестантскую по своей сути»⁹. Из семнадцати названных А. Вульфом изменений в американской жизни на третье место поставлена драматическая модификация протестантского наследия (два первых касаются демографии и политики). Протестанты становятся заложниками своего «суперлиберализма» в области нравов. Как пишет О.А. Кармадонов, проводивший социологические исследования в штате Небраска, «протестантские церкви часто легитимируют те тенденции американской общественной жизни, которые признаются “опасными” даже в академической среде»¹⁰. Имеются в виду такие «горячие» для США темы, как гендерная проблематика (первое место в рейтинге), однополая любовь и браки гомосексуалистов (второе место), относительно которых протестанты более терпимы, чем католики.

Обратим внимание на то, что протестантизм благословил, можно сказать, сакрализировал тот поведенческий вектор, который мы условно назвали «дерзанием риска». Возможно, в этом одно из тех культурных последствий, которые, по словам Вебера, были «непредвиденными и даже нежелательными для самих реформаторов»¹¹. Действительно, если речь идет о спасении, логичнее было бы подумать о гарантиях, исключающих или минимизирующих риск. Но тогда возникает вопрос, а зачем вообще люди рискуют. Конечно, есть много видов деятельности, особенно связанных с машинами, где риск неизбежен и все усилия направляются на его предотвращение или компенсацию возможных потерь. Для этого разрабатываются многочисленные регламенты, а также проводятся актуарные расчеты всевозможных видов страхования. Здесь как будто все понятно, как и с природными катаклизмами — землетрясениями, извержениями вулканов, наводнениями, сходом лавин и прочее.

Но многие рискуют и там, где никаких внешних факторов такого поведения нет: казино и другие азартные игры, экстремальные виды занятий, вроде спуска с Ниагары в бочке или лодке, популярность «зацеперов», слэклайнеров (канатоходцев) и т.д. Как выясняется, существуют гормоны или нейромедиаторы, которые выделяются при осуществлении таких видов действий и оказывают влияние на поведение и субъективные переживания. В карьерной борьбе такую роль играют адреналин и норадреналин, в действиях аффилиации (помощи) — дофамин и др. Но, как считает Мак-Клелланд, «все попытки найти вещество, характерное для действий достижения, оказались бесплодными»¹².

В ситуации «дерзания риска» мотив достижения понимается как преодоление, как успешное выполнение работы, бросающей вызов («challenging work»). Излишне говорить, что любая действенная инновация связана именно с такой работой, непременно требующей и включающей механизм творчества. При этом важно учитывать, что распространенное в научной литературе определение риска через акцентирование его негативных моментов, таких как угроза, опасность,

вызов, дисфункциональность, кризис и т.п., выводит сам феномен дерзания за пределы рискогенного пространства. Действительно, поскольку дерзание — это инициативное начинание, смелое устремление к чему-то новому, неизведанному, то оно вряд ли может быть стопроцентно гарантировано; но в то же время вероятность успеха далеко не всегда равна нулю.

Для субъектов активного действия (индивид, группа, социум) риск не сводится к учету неблагоприятных факторов и их элиминирования, включая и информационную неопределенность изменившихся обстоятельств, хотя в большинстве случаев именно эта сторона выступает определяющей возможности выживания и дальнейшего развития. Однако в истории и в повседневной жизни не меньшее значение имеет и вторая сторона риска, а именно то, что риск, благодаря антиципации (предвосхищению) вероятности позитивного исхода того или иного замысла, становится важнейшим мотивом деятельности. Так бывает и тогда, когда на пути серьезного дела появляется «challenging work» — работа, бросающая вызов, т.е. новая, более сложная, требующая непривычных навыков, методов и т.д. Людей с низким мотивом успеха такой переход от рутинных действий репродуктивного порядка к «бросающим вызов» часто ставит в тупик, причем не столько по профессиональным качествам, сколько из-за психологии неверия в себя, в возможность выполнения работы. Для тех, кто отличается высоким мотивом успеха такая ситуация, наоборот, пробуждает, усиливает воображение и служит дополнительным стимулом энергичности, инициативности и творчества. Такой человек как бы приказывает самому себе: «Иду на риск» (по аналогии с названием известной повести Д. Гранина «Иду на грозу»), но это не иррациональный — спонтанный и безрассудный, а вполне осознанный и, по возможности, взвешенный риск. О том, что позитивный риск широко представлен в человеческих практиках, можно судить по ряду выражений, вошедших в поговорки: риск — дело благородное, кто не рискует, тот не пьет шампанское и др. Словосочетание «дерзание риска» означает такое действие, которое направлено к определенной цели, и одновременно на преодоление препятствий и опасностей на этом пути с надеждой и верой в успех (подобно Одиссею).

Называя современную цивилизацию «обществом риска», многие авторы справедливо подчеркивают ее непомерно возросшую, по сравнению со всеми предшествующими этапами истории, рискогенность. Это понимается как рукотворение все новых рисков самими людьми, общественными институтами и структурами, международными организациями и блоками стран и т.д. Все это выражается в неблагоприятных и, как правило, непредвиденных изначально последствиях развития техники и технологий, производства и престижного потребления (роскоши), манипулятивных акций СМИ, рекламы, финансовых и других

спекуляций и пр. «В результате чего, — подчеркивает Л.Г. Титаренко, — сегодня ни одна страна, ни одно поколение, ни один человек больше не застрахованы от неожиданностей и неопределенностей, таящихся в новейшей технологии, состоянии экологии, сфере труда, финансов, современных международных отношений»¹³.

Производством рисков руководят, часто неосознанно, принципы «методологического индивидуализма», включая знаменитый *laissez faire* — невмешательства государства в экономику, и логика рыночного мышления, для которых личная (корпоративная, блоковая) выгода мотивационно выше моральных норм и заповедей. М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» писал: «Что кто-либо может сделать единственной целью своей жизненной деятельности накопление материальных благ, может стремиться к тому, чтобы сойти в могилу обремененным деньгами и имуществом, люди иной эпохи способны были воспринимать лишь как результат извращенных наклонностей, “*auri sacra fames*” — проклятой страсти к золоту»¹⁴. Не столь существенно, насколько подобные перверсии были распространены в прежние времена, например, в архаическом обществе. Нас больше поражает то, что на заре человечества, в течение исторически длительного периода, существовало не престижное, а равнообеспечивающее потребление, когда каждый мог получить свою долю пищи, одежды, тепла и других благ только потому, что он является членом сообщества. Все нетрудоспособные — больные, инвалиды, старики и дети — имели такое же право, но также и обязанность поддерживать по своим возможностям целостность, единство и сплоченность коллектива.

Итак, мы понимаем, что риск и опасен, и полезен, причем не с одной и с другой стороны, как говорится в известном клише, а по большей части — одновременно. Это очевидно в работе исследователя-экспериментатора, летчика-испытателя, водолаза, космонавта и многих других видов деятельности.

Чтобы создать методологические опоры решения рискогенной дилеммы в общественной жизни и повседневном индивидуальном поведении, чтобы научиться грамотно и осознанно проходить между Сциллой — риск опасен и Харибдой — риск полезен, необходимо определить философские предпосылки риска и человеческую реакцию на те или иные его опасности, зафиксированные в социологических данных. Говоря о философских диспозициях относительно социальной реальности, даже мировосприятия в целом, целесообразно обратиться к опыту одного из классиков социологии Э. Дюркгейма (1858–1917). Будучи философом по базовому образованию, но потратив много сил на борьбу за самоопределение социологии как самостоятельной, полноценной науки, в том числе и за ее отделение от философии, Дюркгейм писал своему ученику и последователю Ж. Дами: «Отойдя от философии, я стремлюсь к тому, чтобы к ней вернуться, вернее, я все время возвра-

шался к ней самой природой вопросов, с которыми сталкивался на своем пути»¹⁵. «Природа вопросов», встающих не только перед ученым, но и перед обычным человеком, вопросов, требующих философского вмешательства и осмысления, — это все непознанное, не ясное; даже и, пожалуй, особенно тогда, когда оно на первый взгляд представляется ситуационно очевидным. Это, видимо, и имел в виду Гегель, утверждая, что известное, от того, что оно известно, не становится познанным. А переход от известного к действительно познанному — самый сложный в гносеологическом смысле, — требующий устранения «кажимости», преодоления всевозможных иллюзий — от фетишизации, мистицизма до гипнотизма и иных средств манипуляции — невозможен без философской осмысленности, рефлексии и глубины.

Дюркгейм показал, что в архаических обществах господствует механическая солидарность, когда индивид растворяется в коллективном сознании, обретая тем самым высокую степень определенности поведения при относительно слабых социальных связях. В более развитых обществах складывается органическая солидарность, основанная на разделении труда. Ей свойственны сильные социальные связи, слияние рынков, рост городов, большой объем населения. Но в ней также и наблюдаются снижение определенности поведения и «большой простор для индивидуальной инициативы и рефлексии»¹⁶. Следовательно, разделение труда повышает эффективность деятельности, укрепляет интеграцию (взаимозависимость), однако снижает определенность и усиливает рискогенность, в том числе и благодаря простору для индивидуальной инициативы.

Питер Бергер, критикуя «ошибочное представление о толпах взнуданных и управляемых властями людей, побуждаемых к повиновению постоянным страхом перед тем, что может случиться с ними в случае неповиновения», пишет: «Большинству из нас ярмо общества не слишком трет шею. В большинстве случаев мы сами желаем именно того, что общество ожидает от нас. Мы хотим подчиняться правилам. Мы хотим той доли, которую общество определяет нам. А это, в свою очередь, возможно не потому, что власть общества меньше, а потому, что она даже больше, чем мы до сих пор утверждали. Общество детерминирует не только то, что мы делаем, но также и то, что мы есть»¹⁷.

С этих позиций следовало бы уточнить концепт «общество риска», в котором общество обычно понимается как «внешняя реальность», вновь и вновь ставящая индивида в рискогенную ситуацию. Нет сомнения, что любое общество — от самых архаичных, имеет большие или меньшие возможности следующих действий. Во-первых, вводить механизм страхования риска, т.е. давать строгие гарантии компенсации потерь, ущерба при осуществлении той или иной деятельности. Сюда, конечно, не входят компенсации потерь от стихийных бедствий, поскольку они не зависят от человека; если компенсации все-таки пре-

доставляются, то это — проявление альтруистических чувств общества. Во-вторых, поощрять, поддерживать, даже принуждать и усиливать проявления, инициативу индивидов, групп и категорий населения. Эти векторы чаще всего определенным образом сочленяются в инновациях. Гарантии по самой своей природе направлены на снижение риска, и при неправильном их использовании могут свести риск к нулю. Не случайно, Ш. Фурье называл проектируемое им общество не только «строим гармонии», но и «гарантизмом». Он не понял, что избыточные гарантии разрушают мотивационно-стимулирующий механизм человеческой активности. Позже в таком же направлении сработали и некоторые гарантии в Советском Союзе: полной занятости, бесплатности многих социальных услуг и др. Такого рода непродуманные гарантии блокируют, к сожалению, инициативу, а значит, и инновационный поиск, особенно в социальной сфере.

Безусловно ошибочным является представление, что инновации, изобретения возможны только в высокоразвитом обществе. Опыт Китая и многих других стран, позитивная инновационная динамика в современных России, Беларуси, Казахстане показывают, что этот процесс зависит не только от технико-технологических факторов, но во многом определяется и организационными условиями. Можно вспомнить массовое движение рационализаторов и изобретателей в СССР. Как писал один из народных умельцев А.П. Ляликов, «в одиннадцатой пятилетке (1981—1985) в народном хозяйстве было использовано 190 тысяч изобретений, а еще 200 тысяч были зарегистрированы, но не использовались»¹⁸. Ведь не секрет, что в те времена специалисты из развитых стран (Япония и др.) буквально гонялись за бумагами из мусорниц отечественных БРИЗов, патентных бюро и т.д.

Обращаясь к далекому прошлому человечества, к первым этапам антропосоциогенеза, можно отметить здесь первые проблески творческой мысли, причем не только в создании новых орудий труда, но и в самой сложной сфере, а именно в проектировании паттернов человеческих отношений, устройства общественной жизни. Так, В.А. Шкуратов пишет: «Главной социальной инновацией верхнего палеолита была экзогамия — исключение из брачных отношений ближайших родственников. Хотя элементы парного брака отмечаются уже у высших приматов (особенно у шимпанзе) и, безусловно, сильно окрепли у древнейших ископаемых людей, архантропов и палеоантропов, родство по определенной линии становится ведущим конституирующим принципом социальности в позднем палеолите. Запрет инцеста (кровосмешения) требовал общественной регуляции брака, появились род и семья»¹⁹. Экзогамию («брак во вне», по Леви-Стросу, т.е. во вне своего рода) можно, действительно, назвать важнейшей социальной инновацией на историческом пути вида *Homo sapiens*. Она означала переход от промискуитета — неупорядоченных отношений между полами к отношениям, регулируемым

сообществом, причем иногда и с применением очень жестких мер. Не вдаваясь в историю становления брака и семьи, правомерно спросить: «Где же в этой инновации риск, его положительные и отрицательные стороны?» Риск, к тому же грозящий гибелью, вырождением, содержался в самой промискуитетной форме сожителства, которое при малой численности и изолированности тогдашних локальных сообществ (коллективов) неизбежно вело к инцесту. (Кстати, в литературе часто говорят об инцестуозных связях, желая самым этим термином отметить их заразность, вредоносность). Можно лишь поразиться, как, не имея понятия об инбриндинге, люди поняли опасность кровосмешения. Конечно, существовали угрозы сопротивления такому переходу со стороны молодых, активных и озабоченных данной проблемой членов коллектива, которым необходимо было искать партнера в другом локусе, часто отдаленном. Польза от данного новшества, безусловно, не сводилась к улучшению потомства, не менее важным было сближение, позже объединение с одним из соседних коллективов. Называя экзогамный переход палеолитической революцией по своим последствиям, Шкура-тов подчеркивает: «Продуктом этой революции стало фундаментальное антропологическое, психофизиологическое, психосоциальное, духовное единство человечества, которое сохранится в истории вопреки расхождению в экономическом, политическом, социальном, языковом, бытовом развитии человеческих сообществ. В эту эпоху человечество приобретает тот уровень интонирующих связей, который называется культурой»²⁰.

Надо отметить, что и в научной литературе, и в реальной политике усиливается рекуррентное (возвратное) движение, вовлекающее мало-помалу древний экзогенный фрейм, с его запретом инцеста и т.д. в новую рискогенную ситуацию. Так, Л.С. Драгунская завершает свою статью следующим выводом: «Сейчас мир постепенно вступает в эпоху становления социального и духовного равноправия мужчин и женщин. Не исключено, что промискуитетные и квази-инцестуозные (одновременная связь с матерью и дочерью, с отцом и сыном, с сестрами или братьями, поясняет в другом месте автор. — С. Ш.) формы, равно как и другие «неортодоксальные» формы сексуального поведения, станут восприниматься все более терпимо. Трансгрессивная в своей основе сексуальность перестает пониматься исключительно как патологическая форма поведения и переживания»²¹. По этому поводу трудно желать какому-то анонимному актору успехов в «Дерзании риска»: слишком сложна и запутана эта тема, обрамлена множеством венаучных примесей, нарочитыми стремлениями к паблисити даже через эпатаж, скандал и т.п. Можно лишь привести слова Гегеля, которыми он ответил на вопрос студента Г. Гейне о разумном и действительном: «Все, что разумно, должно быть»²². Иначе говоря, все разумное в этой проблематике, и добавим, не могущее помешать другим людям, войдет в жизнь, все иное — рассеется.

Таким образом, при философском и социологическом подходе к анализу общественных рисков в инновационной деятельности необходимо учитывать соотношение гарантий со стороны общества и готовности к проявлению инициативы со стороны индивидов и групповых субъектов.

В этом отношении примечательны концептуальные положения известного английского экономиста и государственного деятеля Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946), внесшего весомый вклад не только в экономическую теорию, но и в преодоление Великой депрессии в США и во всем мире. Если его идеи переинтерпретировать социологически, они вполне приемлемы для анализа любой рискованной деятельности. Так, в своем главном научном труде «Общая теория занятости, процента и денег» он писал: «Когда в какой-то стране развитие капитала становится субпродуктом *казино*, то это развитие рискует идти в ненормальных условиях»²³. Ненормальность в том, что такая игра хаотизирует все пространство действия, разрушает социальный порядок, логику и рациональность выбора: риск не поддается расчету. Это хорошо видно на примере кризиса 2008 – 2010 гг., все еще не преодоленного. Спекулятивность субпродуктов *казино* привела к тому, что объем так называемых деривативов (бумаг, производных от реальных денег) стал в 10 раз больше фактической денежной массы. В этих условиях никто, действительно, как заметила Л.Г. Титаренко, не может чувствовать себя застрахованным, осуществлять разумный выбор с допустимой для себя долей риска, разве что поступить как Г. Торо и другие отшельники – порвать с обществом и вести уединенную жизнь в лесу²⁴.

Характерно также упоминание о финансовом *казино* Николаем Генновым, посвятившим свою работу современным проблемам Европейской интеграции с помощью аналитической концепции управляемых рисков. Он особенно подчеркивает следующее: «Решение рейтинговых агентств и сообщения массмедиа демонстрируют увеличение доходности по кредитам от стран, имеющих проблемы с бюджетом. В этой связи финансовая система в еврозоне, в Европейском союзе, да и вообще в мире работает как неуправляемое *казино*. Маастрихтский договор не внес никаких механизмов финансового регулирования в еврозоне для снижения риска финансовых спекуляций или спекуляций на рынках недвижимости»²⁵. Анализируя ситуацию в Греции (угроза дефолта, отрицательное сальдо счета текущих операций, кризис суверенного долга, жесткая экономия социальных расходов и др.), автор отмечает «огромные потери греческого туризма и судоходства», полагая, что «колебания греческого правительства привели к падению конкурентоспособности греческой экономики». Конечно, столь сложные рискогенные ситуации возникают в силу констелляции обстоятельств, но справедливости ради следовало бы отметить и активное

вытеснение целых отраслей местного производства продукцией других европейских компаний. Например, греческие помидоры, выращенные на естественной почве, экологически чистые, оказались дороже голландских, произведенных в теплицах, на гидропонике. Вообще европейским странам чужая сельхозпродукция не нужна, разве что очень выборочно, поэтому в Греции видели, прежде всего, туристическую страну, отсюда падение судоходства, судостроения и других отраслей промышленности. Н. Генов, безусловно, прав, утверждая: «Простая истина заключается в том, что эффективная консолидация бюджета возможна в условиях экономического роста и повышения занятости... Реализация этой задачи требует воображения, рационального расчета и решительных действий по управлению динамикой ситуации риска с применением аналитической концепции риска»²⁶. Упомянутое автором предположение вписывается в инновационную логику дерзания риска, требующую оптимального согласования гарантий и инициативы на всех уровнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну – М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 21–22.

² См.: Яницкий О.Н. Альтернативная социология // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 77.

³ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – Мн., 2003. С. 395.

⁴ См.: Шавель С.А. Идеиные основы трудовой мотивации в протестантской этике // Шавель С.А. Общественная миссия социологии. – Мн., 2010. С. 261–269.

⁵ Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. С. 152.

⁶ Цит. по: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. С. 390.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 391.

⁹ Вульф А. Изменения сверху донизу // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 101.

¹⁰ Кармадонов О.А. Особенности религиозной среды современной Америки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4. С. 58.

¹¹ Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. С. 105.

¹² McClelland D.C. The empire – building motivation syndrome // Motives, personality and society: Selected papers. – N. Y., 1984. P. 147–174.

¹³ Титаренко Л.Г. Глобальные факторы риска и их влияние на динамику экологических ценностей населения Беларуси // Социология. 2011. № 2. С. 85.

¹⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – Вебер М. Избр. произв. С. 90.

¹⁵ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение – М., 1995. С. 321.

¹⁶ Там же. С. 327.

- ¹⁷ Бергер П.Л. Общество в человеке // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 162.
- ¹⁸ Ляликов А.П. Венец терновый, увитый лаврами... // Эко. 1988. № 1. С. 82.
- ¹⁹ Шкуратов В.А. Историческая психология. – М., 1997. С. 179.
- ²⁰ Там же. С. 179–182.
- ²¹ Драгунская Л.С. Эдипов комплекс царя Эдипа. Проблема инцеста в истории и культуре // Человек. 2015. № 1. С. 69.
- ²² Гегель Г.Ф. Философия права – М., 1990. С. 14.
- ²³ Цит. по: Бейтон А., Казорла А., Долло К., Дре А.М. 25 ключевых книг по экономике. – Челябинск, 1999. С. 364.
- ²⁴ См.: Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу. – М., 1910.
- ²⁵ Генов Н. Европейская интеграция как управление рисками // Социология. 2012. № 3. С. 35.
- ²⁶ Там же. С. 40–41.

REFERENCES

- Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000. 383 p. (Russian trans.).
- Beitone A., Kazorla A., Dollo K., Draï A.M. 25 key books on economics. Chelyabinsk, 1999. 352 p. (Russian trans.).
- Berger P.L. Society inside an individual. In: *Sotsiologicheskiiy jurnal*. [Sociological journal]. 1995. № 2, pp. 162-180 (Russian trans.).
- Dragunskaya L.S. Oedipus complex of the Oedipus the King. Incest problem in the history and sociology science. In: *Chelovek* [Human]. 2015. № 1, pp. 54-69 (In Russian).
- Durkheim E. Sociology and its scientific domain. Moscow, 1995. 352 p. (Russian trans.).
- Genov N. European integration as risk management. In: *Sotsiologiya* [Sociology]. 2012. № 3, pp. 30-42 (Russian trans.).
- Heckhausen H. Motivation and activity. Minsk, 2003. 860 p. (Russian trans.).
- Hegel G. Philosophy of law. Moscow, 1990. 524 p. (Russian trans.).
- Kardamonov O.A. Peculiarities of religious environment of the contemporary America. In: *Journal of sociology and sociological anthropology*. 2002. No 4, pp. 85-99 (Russian trans.).
- Lyalikov A.P. Crown of thorns twined by laurel... In: *Eco*. 1988. No 1 (Russian trans.).
- McClelland D.C. *The empire-building motivation syndrome. Motives, personality and society*: Selected papers. N. Y., 1984, pp. 147-174.
- Shavel S.A. Ideological foundations of a working motivation in a Protestant ethics. In: Shavel S.A. *Social mission of sociology*. Minsk, 2010, pp. 261-269 (in Russian).
- Shkuratov V.A. *Historical psychology*. Moscow, 1997. 505 p. (in Russian).
- Titarenko L.G. Global risk factors and their influence on the dynamics of the Belarusian population's ecological values. In: *Sotsiologiya* [Sociology]. 2011. No 2, pp. 85-91 (in Russian).

Thoreau H.D. *Walden; or, Life in the Woods*. Moscow, 1910 (Russian trans.).

Veber M. Selected works. Moscow, 1990 (in Russian).

Vulf A. Changes from the top to the down. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 1993. No 3 (in Russian trans.).

Yanitskiy O.N. Alternative sociology. In: *Sotsiologicheskiy jurnal*. [Sociological journal]. 1994. No 1, pp. 70-84. (in Russian).

Аннотация

В статье раскрывается двойственный характер феномена риска: с одной стороны, это неблагоприятные условия, отсутствие гарантий полной безопасности и прочие минусы, с другой – деловой успех, моральное удовлетворение и высокая самооценка в результате преодоления рискогенной ситуации, выполнения работы, бросающей вызов. Показано, что дерзание риска – не бездумный кураж, а инновационное и социально оправданное действие, осуществляемое в сложных условиях, и что обществу необходимо повышение социальных и других гарантий успешности такой деятельности.

Ключевые слова: риск, рискогенность, инновационность, гарантии, компенсации, управление рисками.

Summary

In this article a dual character of risk as a phenomenon is revealed. On the one hand, it is unfavorable conditions, lack of full security guarantees and other negative phenomena; on the other hand, – business success, moral satisfaction and high self-estimation resulted from overcoming a risk situation, fulfilling challenging work. Risk daring is viewed not as light-minded courage but as an innovative and socially justified action conducted in complicated conditions, thus society should increase social and other guarantees for success of these activities.

Keywords: risk, risk-taking, innovativeness, guarantees, compensations, risk management.